

ДОНСКОЙ ПИСАТЕЛЬ

№ 11-12 – 2024 г.

Литературная газета Ростова-на-Дону и Ростовской области

Газета издаётся при поддержке Министерства культуры Ростовской области

*Дорогие друзья!
Коллеги, читатели, влюблённые в литературу земляки!
В преддверии праздника хотим сердечно пожелать
Вам счастья, любви, веры в удачу! Крепкого Вам здоровья,
благополучия, вдохновения и мирного неба!
Пусть сбываются самые заветные мечты!
Никогда не теряйте надежду на добрые свершения!
Желаем, чтобы за праздничным столом собрались близкие,
родные люди, пусть не будет утрат, а каждый день приносит
радость! Будьте любимы и Богом хранимы!
С наступающим Новым 2025 годом!*

Правление РРО СПР, редколлегия «Донского писателя»

С Днём рождения!

Поздравляем наших коллег, членов и кандидатов в члены Союза писателей России, родившихся в предновогоднюю пору, в ноябре – январе, когда природа готовится сменить свой пёстрый осенний наряд на пушистые белые шали.

Геннадия Семёновна Колесова (04.11.1946 г.);
Марину Юрьевну Ганзенко (05.11.1991 г.);
Наталью Яковлевну Воронину (09.11.1955 г.);
Викторию Валерьевну Можяеву (11.11.1962 г.);
Михаила Павловича Астапенко (17.11.1951 г.);
Элину Станиславовну Слотову (20.11.1998 г.);
Александра Николаевича Можяева (22.11.1955 г.);
Анастасию Павловну Корнилову (25.11.2001 г.);
Павла Георгиевича Малова (01.12.1957 г.);
Валентину Анатольевну Курмакаеву (03.12.1953 г.);
Елену Александровну Чичёву (10.12.1951 г.);
Игоря Николаевича Кудрявцева (23.12.1944 г.) – с юбилеем!
Тамару Александровну Иванченко (28.12.1950 г.);
Зинаиду Николаевну Зинченко (29.12.1952 г.).
Желаем устойчивости к вирусам, бодрости, желания жить, любить, творить!

«Запас не последних чудес»

Наталья Воронина

БУДЕТ СНОВА ЗИМА...
Будет снова зима колдовать
и раздирать нам покой-непокой
и стучаться в дома,
посылая туманов
холодное марево
и стихов непрочтённых
диктуя тома...
Припасёт белых шалей
великое множество,
чтобы их разбросать, разложить,
развернуть,
устилая снегами
дорожные сложности,
предлагая во льдах
свой прокладывать путь.
По снежинке, а может,
кому-то пригоршнями
раздавать ей запас
не последних чудес, –
и, конечно, хотелось бы
верить в хорошее,
а иначе к чему красота от небес?..
Ну, а нам любоваться,
справляться, усердствовать,
из объятий пурги выбираться не раз,
и, снежинки храня на висках ли,
на сердце ли,
просто знать,
что и зимний кончается сказ.

И – обувь понадёжнее,
одежду – потеплей;
где кочки подморожены –
на улицах светлей.
Ах, как бы равновесие
своё не нарушать?
когда скользить не весело –
пройдёмся не спеша.

Конечно же, со спутником
приятней, чем одной,
но льды толочь, как в ступе мне
сегодня не впервой...
Иголки тревожности
унять бы все подряд,
но жить – увы! – без сложностей
нам зимы не велят!

Елена Чичёва

СКВОЗНАЯ ВЬЮГА
О белизне одежд твоих,
сквозная вьюга,
Я вспоминаю
в суеде земного круга...
Земля кружилась в небесах,
и танец ночи
Объединял меня с тобой,
судьбу пророчил...
Мы узнавали новизну душ
нараспашку,
И лишь рождение зари дало
отмашку...
А мир глядел из глубины
погасших окон,
И одевал меня с тобой
в пушистый кокон.

Мы снова стали – «ты» и «я» –
поодиночке,
И вышли сквозь небытие
бездонной точки.
Мы отразились в зеркалах,
смотря друг в друга,
А за стеной ещё мела
сквозная вьюга...

Людмила Суханова

ГОРЕЧЬ ЯГОД

Я срывала озябшие кисти
поздних ягод, горчащих слегка...
А мои невесёлые мысли
уносили меня в облака.
Что там? –
Осень с зимой в поднебесье
свой последний устроили бал!
Дождь с метелью

пытаются вместе
танцевать!..
Но меж ними борьба
происходит... А кто побеждает?

Не понять!
И что ждёт впереди? –
То косматые хлопья летают,
то неистово плачут дожди
о прошедшем,
о чем-то хорошем,
о ещё неостывшем, живом,
но уже замётённом порошей...
... Как мы всё-таки мало живём!

Бал прошёл. Голоса отшумели
и тихонько посыпался снег...
Эту осень запомнить сумею –
горечь ягод осталась во мне.

Объявление

Внимание членов и кандидатов
Ростовского регионального
отделения СПР!

В субботу 7 декабря 2024 года состоялось очередное расширенное заседание правления, которое рассмотрело заявление председателя правления Берегового Алексея Григорьевича о досрочном сложении с себя полномочий председателя правления РРО СП России по состоянию здоровья.

Правление обсудило поданное заявление, и, согласно Уставу Отделения и СП России, назначило досрочное Отчетно-выборное Общее собрание (Конференцию) на 19 января 2025 года (в 12 часов в помещении ДГПБ), – правление приглашает всех писателей отделения выполнить свой уставной долг и принять участие в работе Общего собрания (Конференции).

Полномочия Берегового А.Г. сохранены до назначенного дня Общего собрания (Конференции).

Правление выдвинуло на Собрание (Конференцию) своих кандидатов на выборные Собранием (Конференцией) должности в руководстве отделения:

1. На должность председателя правления РРО СП России – **ЛОЗБЕНЕВУ ОЛЬГУ ВЛАДИМИРОВНУ**, 1973 г. р., прозаика, писательский стаж 9 лет, секретаря правления РРО СПР, юриста по образованию.

2. На должность Исполнительного директора РРО СП России – **НАТАЛЬЧЕНКО ЕЛЕНУ ВИКТОРОВНУ**, 1986 г. р. прозаика, писательский стаж 4 года, члена правления, по профессии – переводчик с испанского.

3. На должность Казначей отделения – **ШУЛЬЖЕНКО АНЖЕЛИКУ ДМИТРИЕВНУ**, 1993 г. р., поэта, писательский стаж 4 года, по образованию и профессии – бухгалтер.

Исполнительный директор и Казначей будут избираться в tandem с председателем правления, по которому будет проведено голосование.

Писатели, которые будут намерены выставить на рассмотрение и выборы председателя своих кандидатов, должны предоставить фамилии и данные о них в правление для регистрации не позднее 9 января 2025 года. Данные можно присылать на электронный адрес Отделения. Незарегистрированные кандидаты на должность председателя в избирательный список вноситься не будут.

Правление ввело в свой состав двух новых членов: прозаика Вирченко В. О., поэта Шульженко А.Д.

ГДЕ КОЧКИ ПОДМОРОЖЕНЫ

Снега и льды, и изморозь
у нас не навсегда,
а что зима капризная –
не велика беда!

Литературный календарь

3 ноября – 100 лет со дня рождения русского писателя, поэта, переводчика, драматурга и сценариста **Леонида Генриховича Зорина** (1924–2020). «Покровские ворота», «Царская охота», «Осенний юмор», «Нулевые годы».

10 ноября – 130 лет со дня рождения русского поэта, прозаика и публициста, переводчика, литературного критика **Георгия Владимировича Иванова** (1894–1958). «Петербургские зимы», «Распад атома», «Китайские тени», «Что-то сбудется», «Закат над Петербур-

гом», «Черные ангелы», «Губительные покойники», «Белая лира».

20 ноября – 100 лет со дня рождения русского писателя, мастера исторической прозы **Юрия Владимировича Давыдова** (1924–2002). «Глухая пора листопада», «Нахимов», «Головнин», «Капитаны ищут путь», «Сенявин», «Март», «Соломенная сторожка», «Две связки писем», «В морях и странствиях».

5 декабря – 115 лет со дня рождения русского советского писателя и сценариста **Николая Павловича**

Задорнова (1909–1992). «Амур-батьюшка», «Голубой час», «Золотая лихорадка», «Капитан Невельской», «Цунами», «Далекий край», «Первое открытие», «Война за океан», «Хэда», «Симода», «Гонконг», «Владычица морей».

18 декабря – 205 лет со дня рождения русского поэта и прозаика **Якова Петровича Полонского** (1819–1898). «Дешёвый город», «Рассказы», «На закате», «Вечерний звон», «Кузнечик-музыкант», «Сумасшедший», «Двойник», «Чайка», «Безумие горя».

В номере:

С наступающим Новым годом!
«Новые стихи»
«Запас не последних чудес»
Наталья Воронина;
Элина Слотова;
Литературный календарь;
Объявление.

Стр. 1

Ю.П. Ремеснику - 85 лет
Дмитрий Ханин
«Исповедальная певучесть стихов»
Эссе
Стихи; «Незабытые имена»

Стр. 2

Победители конкурса
«Писатели России – фронту»
2-е места; Стихи;
«Из ранее изданного»
Геннадий Колесов
«И кнут продайте» Рассказ;
«Книжное обозрение».

Стр. 3

К 80-летию со дня рождения
Игоря Николаевича Кудрявцева
Елена Арент
«Вдохновение Игоря Кудрявцева»
Очерк; Стихи юбилея.

Стр. 4

Павел Малов
«Всё равно война»
Отрывок из романа
«Война народная»;

Стр. 5

Марина Ганзенко
«Увидеть Еву» Рассказ;
Александр Белоцкий
«Иду на вынужденную!» Рассказ.

Стр. 6

85 лет со дня рождения Ремесника Юрия Петровича – поэта, члена Союза писателей России с 2001 года. (17.11.1939 – 1.12.2022). Родился в станице Кугоевской Крыловского района Краснодарского края. Рано остался без отца, погибшего на фронте в 1942 г. Воспитывался отчимом – инвалидом войны и матерью, преподававшей русский язык и литературу. С 1966 г. Ю. Ремесник жил в г. Азове Ростовской области. Стихи Юрий Ремесник писал с детства. В 1977 г. Ростовское книжное издательство выпустило первую книгу его стихов «Живая вода». С 1989 г. началось творческое сотрудничество Ю. Ремесника с певцом и композитором В. Малезником, написано более 160 песен в их соавторстве. Юрий Ремесник – почётный гражданин Азова. В 2005 г. поэт стал лауреатом творческого конкурса, посвящённого 100-летию со дня рождения М.А. Шолохова. Ему также присуждена премия журнала «Ковчег».

Дмитрий Ханин

ИСПОВЕДАЛЬНАЯ ПЕВУЧЕСТЬ СТИХОВ

Иногда мне приходит в голову, что странно устроен человек. Будто, несмотря на опыт тысячелетий, на множество написанных и прочитанных книг, постоянно надо напоминать ему, где свет, где тьма, а не то заблудится он, потеряется в огромном мире. А может, и больше: кажется, что если бы отдельные маяки не предупреждали об опасностях во мраке, то один за другим налетали бы на рифы и заплутавшие, сбившиеся с толку моряки, и могучие корабли целых народов.

Уверен, немалая часть таких маяков воздвигнута силами верных рабо-

чих искусства, в том числе и служителей Поэзии. Вот одним из подобных людей и является, по моему глубокому убеждению, Юрий Петрович Ремесник — поэт добра и любви. Открываю его книгу на случайной странице и читаю: «Убегу в это царство зелёное,/ Чтобы с ветром делить благодать/ И смотреть в это небо бездонное,/ где не всем довелось побывать./ Чтобы в сказочный миг предрассветия/ Разглядеть в непонятной тоске,/ Как седым богомолот столетия/ Пробегают по женской руке».

Стихи донского автора лишены назидательности и нарочитого пафоса, они легки и естественны, но в то же время мудры и проникновенны. Таким же (искренним, непафосным – настоящим) остался в моей памяти и сам поэт,

редкие встречи с которым всегда оставляли в моём сердце ощущение веры в Искусство и ощущение ненапрасности того, что происходит на Земле, хотя многое омыто печалью. Приходят на ум, например, такие строки Юрия Петровича: «Нас время рассудит. Нас смерть успокоит. /Всё меньше надеюсь, всё больше терплю. /Но жить на Земле этой всё-таки стоит – /Хотя бы ради вечного слова «люблю».

Всегда поражаюсь и поражаюсь той образности и точности, которую, как бы играючи, преподносит поэт в своих стихах. Можно не утруждаться долгим поиском примера, а снова открыть книгу на первой попавшейся странице и увидеть: «Грустят о вёслах ржавые уключины,/ Грустят о звёздах вёсла и шесты,/ Как на горбы верблюжьих, пона-

выючила/ Зима на лодки белые холсты».

Наверно, благодаря своей певучей исповедальности стихи Юрия Петровича Ремесника так созвучны и природе, и ставшему для него родным городу Азову, и всей той грустной, вечной стороне, «Где в каждом доме Деревенек наших/ Глядят со стен Веселые глаза/ Убитых или без вести пропавших».

...Вот уже два года как телефон Юрия Петровича не отвечает на звонки, а его стихи по-прежнему отвечают на самые сокровенные вопросы человеческой души, а иногда сами задают ей точные и необходимые вопросы. И почему-то хочется повторить вслед за поэтом: «Пожелаю в ночи удачи /Пролетающим журавлям, /Помолюсь на них и заплачу, /Отчего – не пойму и сам...»

«Там любят землю бережно, как мать»

* * *

Уже боюсь зимы я, как огня
Бойтся зверь таёжный в час пожара.
Дыхание простуженного дня
Ожогами горит на коже старой.
Уже, стеклом оконным сплющив нос
Гляжу на мир, как узник Монте-Кристо,
А на миру – бесчинствует мороз
С жестокостью дурного пародиста.
А между тем, в том мире – всё путём
Поют колядки земляки хмельные.
Вы постучитесь в мой печальный дом,
Я так по вас соскучился, родные!
Я вам по чарке истины налью,
И выпью сам (и вы меня поймёте)
За то, что, пусть грешно, а всё ж в раю
Своей беспечной юности живёте;
За то, что вам морозы – нипочём,
И, значит, снег не заметёт дорогу;
За то, что мимоходом в старый дом –
А всё же не забыли, слава Богу.

ВСТРЕЧА

Не смущайтесь, моя ровесница –
Ничего вы мне не должны.
Золотой запятою месяца
Наши судьбы разделены.
Размежёваны наши дали,
Наши чаянья и мечты.
И не мне вы наивно лгали

О любви под крылом фаты.
Отчего же, и сам не знаю,
В суете казённых тревог
Так мучительно вспоминаю,
Где я раньше вас видеть мог?
И смущаюсь, большой тревогой,
Словно вместе,
где солнца много,
Где и мне надлежало быть,
Я беспечно прошёл дорогой
Мимо вас,
наречённой Богом,
Обречённый –
не тех любить...

* * *

Вячеславу Юртаеву

Спасение в провинции, в деревне,
Где воздух чище, помыслы честней,
Где обрастают зимние деревья
Багряным первоцветом снегирей.

Там меньше суеты и больше света,
Там каждый для кого-то сват и брат.
Там все: кто – лицедеи, кто – поэты,
Хотя и рифмоплётством не грешат.

И если ложка дорога к обеду,
То сам обед – к обыденным речам,
И так нетороплива речь беседы
За окаянной чаркой первача.

Там по привычке центр зовут «усадьбой».
Ложатся поздно. До зари встают.
А как гуляют на деревне свадьбы,
А как на свадьбах пляшут и поют!

Там знают цену утреннему хлебу,
Там любят землю бережно, как мать.
В провинции рукой подать до неба,
Чтоб наливное яблоко сорвать.

И в этом мире необъятной сини,
На зеленях засеянных полей
Так необъятно верится в Россию,
Так безоглядно верится в людей.

* * *

Копил надежды, а транжирил время,
И вот он – возраст старости скупой,
Где страшно жить наедине со всеми,
Ещё страшней – наедине с собой

Копаться в прошлом, утирая слёзы,
Казнить себя непристойностью борьбы
Под сенью не посаженной берёзы,
Под крышей недостроенной судьбы;

Порой неполноценностью терзаться,
Всё чаще и больнее сознавать,
Что есть ещё отвага ошибаться –
Нет времени ошибки исправлять.

* * *

Я покой свой дороге проспору
И махну в сенокосную рань,
Где по-прежнему мыкает горе
Деревенская баба-Рязань.

По ещё не зажившему следу,
Всем запретам и бедам назло,
Я приеду, Сергей, я приеду
В горемычное Ваше село –

Через все пустыри и болота,
Через всю окаянную Русь –
И в избушку с печальным киотом
На бессонный ночлег напрашусь.

Будет вьюга стенать за стеною,
И в простенке судачить сверчок.
И бесстыдное время разбоя
На палатах уснёт, как сурок.

И склонятся забытые тени
Над ещё не погасшим костром,
И присутствие Ваше, Есенин,
Будет зримо, как снег за окном.

И поверится сердцем усталым,
Когда свяжет петлю самосуд:
Ваша тройка ко мне опоздала
Не на жизнь, а на десять минут.

Ансимов Анатолий Дмитриевич

90 лет со дня рождения Ансимова Анатолия Дмитриевича — поэта, члена Союза писателей России с 1993 года. (7.11.1934 – 2002). Родился в г. Ростове-на-Дону. Первые публикации появились в местной периодике в 50-х годах прошлого века. Сразу стало видно, что в журналистику пришёл талантливый литератор, со своими взглядами на жизнь, с бережным отношением к слову и к людям. С 1958 по 1992 г. Анатолий Дмитриевич работал в газетах «Комсомолец», «На стройке», «Молот», «Вечерний Ростов».

Весьма заметен вклад Анатолия Ансимова в деятельность литературно-исторического общества «Шолоховский круг». Он принимал самое деятельное участие в возрождении Союза казаков Области войска Донского. Его стихи печатались на Дону и в Москве. Он — автор целого ряда поэтических сборников и публицистических книг о родном казачьем крае: «День

приезда», «Третий раунд», «Славянский шлем», «Лебяжий яр», «Ночная кукушка» и других. Будучи с 1992 года директором полиграфической фирмы «Старый друг», Анатолий Дмитриевич трепетно относился к творчеству своих коллег, многим помог напечатать свои книги и сборники.

Помазков Григорий Петрович

100 лет со дня рождения Помазкова Григория Петровича — поэта, члена Союза писателей СССР, России с 1979 года. (5.12.1924 – 14.06.2012). Родился в хуторе Мирошниковка Белокалитвинского района Ростовской области. С января 1943 г. участвовал в Великой Отечественной войне. С 1950 по 1955 г. — слушатель Военно-юридической академии в Москве. В 1955 – 1973 гг. — на следственных и прокурорских должностях военной юстиции. За годы военной службы Г. Помазков окончил Высшие прокурорские курсы и самостоятельно освоил программу Литературного институ-

та им. А. М. Горького. Стихи Г. Помазкова печатались в газетах и журналах, в коллективных сборниках «Верность» (1965), «Позывные сердца» (1967), «В шинели, сшитой из огня» (1970), и других. Первая книга стихов Григория Помазкова «Именем сердца» вышла в Москве, в Воениздате в 1977 г. Затем в Ростове был издан сборник его лирики «Корневая земля» (1978). В творчестве Г. Помазкова преобладают две темы: война и мирная жизнь соотечественников. Награждён орденом Отечественной войны 2-й степени, двумя медалями «За боевые заслуги» и другими воинскими знаками отличия.

Моложавенко Владимир Семёнович

100 лет со дня рождения Моложавенко Владимира Семёновича — прозаика, публициста, члена Союза писателей СССР, России с 1973 года. (28.12.1924 – 25.04.2012). Родился в станице Морозовской (ныне г. Морозовск Ростовской области). Окончив девять классов школы, ушёл на фронт, слу-

НЕЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

жил рядовым в пехоте. С 1947 г. профессионально занимался журналистикой, был ответственным секретарём — вначале районной газеты «Морозовский большевик», потом областных газет «Комсомолец», «Молот», городской газеты «Вечерний Ростов». Первая книга «Донские были» вышла в Ростовском книжном издательстве в 1964 г. Вслед за ней там же были изданы его книги «Когда полыхали зарницы» (1966), «Тайны донских курганов» (1967), в московских издательствах — «Сверстники» (1970), «Голубые родники» (1971). Писатель работал в жанрах документальной прозы, углублённо и последовательно занимался краеведением. В.С. Моложавенко награждён орденом Отечественной войны II степени, медалью «За боевые заслуги», медалью Г.К. Жукова и др. Он признан победителем в литературном конкурсе в честь 60-летия Победы в Великой Отечественной войне.

КОНКУРС

Поэзия, малые формы

Николай Власов
Диплом II степени

ИЗ ГЛУБИНЫ СРАЖЕНИЙ

«При рытье окопов под Херсоном, бойцами Специальной военной операции были найдены останки солдат Великой Отечественной войны ...»
(Из новостных сообщений)

«Как тяжела земля.
Восемь десятков лет
с сорок второго не спится,
нет мне покоя ... нет.
Пятыне сутки боя,
жмёт немчура и жмёт ...
Жутко душе от воя ...
бомбовый вновь налёт.
Комья по брустверу пляшут,
рядом разрыва сноп ...
Ох, как могильно страшен
вырытый в рост окоп.
Как холодна земля
восемь десятков лет.
Жаль, не учён молиться ...»
— Парни! Да здесь скелет!
Звёздочка от пилотки,
ствол ПППШ гнилой,
есть медальон, в сердёке
нет ничего ... пустой!
«Как нестерпимо ярко
свет по глазницам бьёт ...
Кто-то сапёрной лопаткой
вновь вырезает окоп?
Ах, голоса родные!
Русская речь слышна!
Эх, матерки кружевные!
Аж потеплела земля.

Значит победа за нами!
Значит фашизму хребет
всё-таки мы поломали!
Война на земле больше нет ...»
Тихо застыли над прахом
парни с «АК сорок семь».
Вновь здесь боями распахан
старый рубеж. И над всем
полем былого сраженья
кружит опять воронья,
и через три поколения
вновь взяли в руки ружье
внуки Великой Победы,

всех безымянных солдат.
Души их верой согреты,
телом — калёный булат.
И не впервой им «двухсотых»
старых бойцов находить,
в новых заботах окопных
тленную память будить.
Место ей в братских могилах,
в строках скрижалей златых,
в чистых сердцах, добрых силах,
песнях, сказаньях былых.
«Как хороша земляца!
Вот и обрёл покой!»
Вечный ... Пусть воину спится
мирно в земле родной.

Ольга Новикова
Диплом II степени

ПИСЬМО СОЛДАТУ

1
Я писала стихи солдату
Про любовь, отчий дом и счастье,
Что в пруду подросли утята,
А малышки лагают снасти.
Я писала стихи солдату,
Про берёзовый сок и небо,
Что в земле — не куски снарядов,
Что картошка в земле да репа.
Что в сосёнках пойдут маслята,
И малина плеснёт в июле...
Я писала про мир солдату,
За который сейчас воюет.

2
Я писала письмо
На войну для солдата.
Может, сыну оно,
Может, младшему брату.
«Пусть рассеется дым!» —
Отзывалась икона.
«Пусть вернётся живым
До родимого дома!»
...Уходя завтра в бой,
И под грома раскаты
Листик мой голубой
Он прочтёт всем солдатам.
Вспомнит свой палисад,
Голос мамы услышит,
И письмо под бушлат
Спрячет к сердцу поближе.
...Я пишу на войну.
Мне боец мой неведом,
А письмо — пусть ему
В том бою — оберегом!

Геннадий Колесов
пос. Весёлый на реке Маныч

И КНУТ ПРОДАЙТЕ...

Декабрьский день как июньский час.
Короток, а дел переделать много надо.
У семейства Марковых хозяйство за шесть лет
НЭПА, считай, четверо выросло. Одних
коров дойных восемь голов, почти все в за-
пуске, с Рождества пойдут телиться, бока
лосятся в теплом хлеву на луговом паху-
чем сене и ячменной дробленке. Три пары
быков, в каждой как близнецы подобраны
по росту, по масти, даже по изгибу рогов.
Особая гордость — конный двор — упряж-
ные, дончаки. В отдельном деннике хозяй-
ский любимец, Кельт, чистый англичанин
за большие деньги купленный. Резвый и
краше ни в станице, ни в округе нет.

За всем глаз и уход нужен. Всей семьёй
от зари до зари в трудах, двое работников из
хохлов своё сполна отработывают, по вече-
рам вместе с хозяйской семьёй за один стол
вечерять допущены. И в этот раз так. Де-
душка Никодим с молитвой поднялся:

— «Очи всех на тя, Господи, уповают, и
Ты даеши им пищу во благовремени, от-
верзаеши Ты щедрую руку Твою и исполня-
еши всяко животно благословения. Аминь».

Перекрестившись, дружно за ложки взя-
лись. С борщом покончили, только к галуш-
кам с курятиной перешли, собаки во дворе
все враз всполошились и навратным коль-
цом вроде бы кто-то стукнул невнятно. Хо-
зяин Матвей, чертыхнувшись, полушубок
набросил, вступил в чирики. Прихватив на
всякий случай караичевый байдик, от по-
рога к калитке двинулся по прочищенной
в снегу стёжке. Со свету разглядеть трудно,
разобрал, что впрямь у ворот человек сто-
ит. Один. На собак цыкнул, кашлянул гром-
ко Матвей, подошёл вплотную к заплуту с
вопросом:

— Кто таков и кого ищешь, человеке?
— А Матвея Маркова ищу, не ты ли им
будешь?

— Ну, я, а ты какого имени, званья и
с каким делом тёмной ночью на моём
базу? — Сошлись вплотную по разные сто-
роны ворот.

— Как звать-разорвать, только привет
тебе привёз от брата Афанасия.

— Хорош брат, годов десяток тому как
виделись, ещё в Гражданскую дорожки
наши чуток разошлись, как он красной аги-
тации поддался и с их воинством ушёл. Че-
рез людей слышал в начальники выбился, а
счас, должно, турнули с кресла, харчей, не-
бось, передать просит?

Оборвал его гость неласково:
— Болтлив ты, хозяин, не в меру, засов
открой, а собак загони в клеть, письмо для

ИЗ РАНЕЕ ИЗДАННОГО

тебя передано, неси фонарь и быстро... —
Таким голосом и тоном то было сказано,
что повиновался Матвей, заспешил, при-
гласил было зайти хоть в сени незнакомца,
тот коротко:

— Нет, — сказал, только дверь в дом
плотнее закрыть велел. Попросил:

— Крещёный? В Бога веруешь? — Кив-
нул Матвей. Тому мало: — Крест носишь?

Зартачился было хозяин:

— Ты что, поп или архиерей, чтоб меня
пытать? — Тот ещё жёстче: Целуй крест,
клянись, что никому ни про меня, ни про
письмо не ляпнешь и своим накажешь, мол,
прибился какой-то странник, предлагал свя-
щенное писание купить, в цене не сошлись.
Да не мотай мне...

Осенил себя крестным знаменем Мат-
вей, рука сама за пазуху скользнула, прижал
крест к губам:

— Клянусь!
Пришелец от фонаря лицо рукавицей
прикрыл, другую зубами снял, достал коро-
бок спичечный, в нём под серниками кло-
чок бумаги плотно заломленный. Развер-
нул:

— Читай, — в тень отодвинулся. За-
шлёпал губами Матвей беззвучно, разби-
рая слова: «Что ты поверил от кого писа-
но, вспомни жердэлу старую у нас за амба-
ром, а в ней дупло, мы с тобой туда табак у
деда ворованный прятали, сгорела потом от
молнии жердэла и пол амбара. Брат ты мне,
кровь одна, двое мы остались после голо-
да в двадцать первом, со всей семьёй. Знаю
дети у тебя есть, так вот, скажу: не ранее
Рождества, не позднее Крещения придёт
отряд в станицу кулачить вас и на высыл-
ку. Всё, чуешь, всё! Продайте задёшево, со-
шлитесь на хворь какую или ещё чего и ти-
кайте немедля. И кнут продайте коли жизнь
дорога! Станицы Усть-Белокалитвенской
есть полустанок Грачи, найдёшь там ба-
тина кума по покойной сестричке, смека-
ешь кого? Он в курсах, встренет, на рабо-
ту устроит обходчиком». Ни здравствуй, ни
прощай, ни имени.

Дважды прочёл Матвей писанное, аж
потом пронало, внутри всё заколотилось.
Глаза на чужака поднял:

— Где он? — Тот пальцем вверх указал,
по плечам себя похлопал, сам записку из
рук потянул, чиркнул серником, дождался
пока догорела, жар в снег втоптал:

— Фамилия его теперь Маркин, это могу
сказать, а засим прощевай, конь у меня сты-
нет в леваде. Делайте что сказано, — лицо
приблизил: и кнут продайте! Шагнул в тем-
ноту, заскрипел снег под валенками, к утру
сверко след снежком запорошил.

И кончился покой. Почернел Матвей,
мысли горькие заели бессонными ночами.
Уйдёт в конюшню, плачет, Кельта целует:
как же так, годами рвал жилы, семья не да-
вал роздыху, чтоб нажить всё это, а теперь
сбыть за бесценку? Может, ошибся брат
или, грешным делом, мстит за то, что с ка-
заками в ополчение к белым в восемнадца-
том ушёл, так ранение выручило, пробыл
всего месяц. Думки-думки.

Оборвалось всё морозным утром в пер-
вый святочный день ударом чужой ноги в
дверь.

Алексей Береговой.
«Две маленькие пове-
сти». Издательство «Дон-
ской писатель», 2024 г.

Новая книга русско-
го писателя Алексея Гри-
горьевича Берегового —
«Две маленькие пове-
сти» — воспринимает-
ся, как автобиографиче-
ская, наполненная множе-
ством достоверных по-
дробностей, яркими впечатлениями и переживаниями молодого человека, героя каждого из представленных произведений. Читателя сразу берёт в плен са-
мообытный, образный язык бывалого рас-
сказчика, который ведет тебя по серпан-
тину неординарных увлекательных эпизо-
дов жизни. Первая повесть «Синие тени на
стёртых камнях» о томлении первой любви,
утраченной из-за беспечной неопытно-
сти молодости. В рассуждениях, воспоми-

наниях героя повести постепенно вырисовывается его характер, мировоззрение, и читатель становится будто невольным сви-
детелем, сочувствующим участником дра-
мы близких ему людей.

Вторая повесть переносит читателя в
незапамятные времена позднего Советско-
го союза с его укладом и «особыми при-
метами». Для героя — солдата, бывшего
авиамеханика военного аэродрома, то вре-
мя окрашено шемящей ностальгией по мо-
лодости и особому гарнизонному бытию.
Эта книга ярко и интригующе повеству-
ет о разных происшествиях и событиях,
случившихся за время службы. Читается лег-
ко и с интересом, оформлена в виде пере-
межающейся действительности и воспо-
минаний главного героя. Повесть душев-
ная, правдивая, патриотичная.

Е. Дручинина «Сейчас любите!» Из-
дательство ООО «Альтаир», г. Ростов-на-

Дону, 2024 г. Сборник сти-
хотворений, 116 стр.

Вышел в свет второй
лирический сборник Еле-
ны Дручинины, кото-
рый, несомненно, привле-
чёт внимание читателей,
неравнодушных к стихам
искренним, «тёплым», за-
ставляющим думать. И неважно, это пей-
зажная лирика, стихи о дружбе, о любви
мом городе, философские строчки или
стихи о любви — это всегда собственный
взгляд автора, которому доверяешь, с кото-
рым соглашаешься или благодаря которо-
му, — что-то переосмысливаешь.

Вячеслава Зименко «Место, которо-
го нет». Издательство «РА Полиграфичъ»
(Калининград, 2024)

В книге автор собрал несколько работ
последних лет и новые редакции преж-

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

«Экопереход» и др. Особенно привлекает
внимание рассказ «Путь» о поисках сча-
стья. «Тропа обмана» — отрывок из рома-
на «Liberate Me», который был написан в
соавторстве с В. Моржом, возвращает к
первоначальной авторской задумке, кото-
рая иначе была реализована в романе.

В целом книга должна понравиться лю-
бителям фантастических историй.

23 декабря прославленный Донской поэт, член Союза писателей России Игорь Николаевич Кудрявцев празднует замечательный юбилей – восьмидесятилетие! Много добрых дел сделано им за долгий и богатый событиями жизненный путь, ещё больше написано потрясающих, остроумных, талантливых стихов. Коллеги по Ростовскому отделению СПР, друзья, ученики от всего сердца поздравляют Игоря Николаевича с круглой датой, желают здоровья, творческого счастья, благоденствия!

Члены Правления РРО СПР, редколлегия ДП.

Елена Арент

г. Таганрог

ВДОХНОВЕНИЕ ИГОРЯ КУДРЯВЦЕВА

*«Птица мелькнула в окне...
Что ещё нужно с утра,
Если явилась ко мне,
Вся дыханьем порога
Да завершёностью слога,
Птица, как росчерк пера
Животворящего Бога».*
(И. Кудрявцев «Вдохновение»,
«Золотые мои декабри»)

Когда держишь в руках книгу стихов Игоря Кудрявцева, понимаешь: с самого её начала тебя заворочит волшебный, живой мир, созданный человеком талантливым, тонким, добрым, ироничным, проницательным. И ты безраздельно доверяешься каждому слову, каждому лирическому образу, от страницы к странице идёшь за ними, открывая новые для себя мысли, чувства, ощущения. А написанных книг у Игоря Николаевича не мало, так ведь и жизнь прожита большая. И так значительны многие её вехи, что даже сухие, на первый взгляд, биографические факты, тесно переплетаясь с яркими проявлениями редкого поэтического дара, становятся интересными для читателей, судьбоносными событиями.

23 декабря 2024 года русский поэт Игорь Николаевич Кудрявцев отметит своё 80-летие. Родился он в городе Соколе Вологодской области. Детские годы провёл в станице Кущёвской Краснодарского края, окончил семилетнюю школу. Здесь он, десятилетний мальчишка, в какой-то пророческий миг удивлённый бездонным звёздным небом над бескрайними кубанскими просторами, создал свои первые рифмованные строчки.

В 1959 году став учащимся техникума сельхозмашиностроения в Ростове-на-Дону, он остался верен своему увлечению творчеством и всегда очень ответственно откликался на просьбы друзей и педагогов написать в стенгазету стихи по разным веским поводам. На последнем курсе, совмещая учёбу и работу слесарем-сборщиком на «Ростсельмаше», охотно влился в ряды участников заводской литературной группы. Вскоре юношеский творческий багаж Игоря Кудрявцева пополнился серьёзными поэтическими работами о нелёгких трудовых буднях заводчан, а в газете «Ростсельмашевец» в 1962 году появилась первая публикация его стихов. Спустя время, талант начинающего поэта был отмечен размещением его произведений в центральных газетах, альманахах, коллективных изданиях, выступлениями на ростовском телевидении, радио.

В 1978-м увидел свет первый поэтический сборник Игоря Кудрявцева «Ранняя тропка», отмеченный Всесоюзной литературной премией.

«Издать книгу в то время было чрезвычайно тяжело, — вспоминает Игорь Николаевич. — Издательству давали пять наименований на год, а ведь обязательно у кого-то юбилей... Но мне повезло — под одним наименованием издали сразу пять книжек, в том числе и мою. Тогда я был самым юным из авторов. В это же время вышло постановление ЦК КПСС о работе с творческой молодёжью, и 38-страничную книгу наш обком комсомола отправил в

Москву. А потом внезапно оказалось, что я лауреат Всесоюзной премии. И на следующий год меня приняли в Союз писателей СССР».

Важным в своей творческой жизни Игорь Николаевич считает участие и неоценимую помощь замечательного поэта Александра Рогачёва в редактировании первой его книги, а также случайное знакомство с его стихами известного советского поэта, военного корреспондента Евгения Долматовского. Однажды ему на глаза попался журнал «Дон».

«Я приобрёл журнал в надежде, вдруг прочту стихи какого-нибудь нового поэта? — написал Евгений Долматовский в журнале «Октябрь»... Ну, вот, «стихи молодых», Игорь Кудрявцев — в первый раз слышу. Прочитал 12-строчное стихотворение и сразу его запомнил: умное, волнующее, замысловато построенное — давно не встречал такой удачи.

*«Уходит ночь. Пора зари настала.
Синеют дали. Слышу поступь дня.
Я ненавижу тьму — как это мало
Для света. Но как много для меня...
Сантьяго. Дым и пепел. Замолчали
Сердца расстрелянных. В крови стена.
Я проклинаю зло — как это мало
Для доброты. Как много для меня...
Родимый дом. Крыльцо. Смеётся мама.
Внимает сад ей, голову склоня.
Я родину люблю — как это мало
Для родины. Как много для меня!»*

Его юность даёт преимущество писать такими короткими и лаконичными фразами, не допускающими возражений, поправок, разночтений: родимый дом — точка, крыльцо — точка, смеётся мама — точка. Он словно телеграфирует нам свои чувства и то, что видит сердцем».

Вступление в 1979 году в СП СССР позволило начинающему литератору Кудрявцеву более активно и обстоятельно относиться к своему излюбленному занятию — и уже в 1981 году в московском издательстве «Современник» вышла его вторая книга — «Слышу поступь дня».

В этом же году в жизни Игоря Николаевича произошло ещё одно знаменательное событие — незабываемая встреча с великим писателем. Дважды Герою Социалистического Труда Михаилу Александровичу Шолохову был установлен бронзовый бюст в станице Вёшенской, и готовилось его торжественное открытие. Из ЦК КПСС в Донскую писательскую организацию поступила рекомендация делегировать на это мероприятие самого молодого члена СП. Вот и отправился 36-летний Игорь Кудрявцев приветствовать всемирно известного автора «Тихого Дона», нобелевского лауреата Михаила Шолохова.

«Тогда Вёшенская была похожа на телевизионный «Голубой огонёк»: там Мордюкова идёт, здесь — Тихонов, дальше — Кириенко, — говорит Игорь Николаевич. — Михаил Александрович на торжествах отсутствовал, но к нему в дом провели радиоточку и всё, что происходило на берегу Дона, он прекрасно слышал». А чуть позже Шолохов как гостеприимный хозяин всех выступавших на церемонии принял у себя дома, за праздничным столом, где по воле судьбы оказался и молодой писатель Игорь Кудрявцев, позже, по прошествии творческих лет, ставший лауреатом Шолоховского литературного конкурса.

Свою лепту в оттачивание поэтического мастерства Игоря Николаевича внесла учёба в Москве на Высших литературных кур-

сах при Литинституте им. А. М. Горького в 1983–1985 гг. После учёбы, в 1986 году, было принято решение возглавить ростовское литературно-творческое объединение «Дон», чьим руководителем он является до сегодняшнего дня. Сам пишет часто, предлагая своим ученикам постоянно и вдохновенно трудиться над каждой строкой. «Конечно, это не значит, что ежедневно выдаю по стихотворению, — говорит Игорь Николаевич. — Строчки не дают мне покоя в течение суток, иногда даже во сне, поскольку стихи я пишу в голове и записываю только окончательный вариант. Тему творчества я, разумеется, не обошёл в моих стихах: «Ни поражений, ни побед... Мир однокомнатен и сужен, слова на завтрак и обед да легкострочие на ужин... Но утро, будто решето, отсеет рудное «не то»».

Приобретённый за долгие годы опыт, которым Кудрявцев щедро делится с начинающими литераторами, помог ему вывести действенную формулу: «Чтобы быть поэтом, нужно иметь только два качества: отсутствие штампов и благозвучие строки. Казалось бы, просто, но люди к этому могут идти десятилетиями...»

Есть ещё одна веха в творческой судьбе Кудрявцева: песни, созданные в соавторстве с композитором, певцом, заслуженным артистом России Вячеславом Малёжиком, вошедшие в авторские альбомы «Мосты», «Здравствуй», «Французский роман».

Глубокие по смыслу, цельные, волнующие душу стихи Кудрявцева, где лирический герой — его современник, публиковались в популярных журналах «Молодая гвардия», «Огонёк», «Смена», «Москва», «Дон», во многих других периодических изданиях в нашей стране и за рубежом, становясь для читателей заботливыми проводниками в мир изящной словесности, становясь маленькими и большими открытиями в жизни.

Кроме классической формы, автору свойственна краткость и ёмкость изложения. Это и четверостишия, и двестишты. Стихи его порой так немногословны и точны, что вполне могут называться лирическими афоризмами.

В 2018 году появилось любопытное издание Игоря Кудрявцева «Мои дневники Толстого», где поэт ведёт своеобразный философский диалог с писателем, сжато, мудро и поэтично отзываясь на его боль, размышления, озарения. Как пишет сам автор: «Я не мог пройти мимо откровения писателя, которое, на мой взгляд, соразмерно исповеди перед таинством причастия».

В 2019 году увидел свет сборник «Золотые мои декабри», куда вошли избранные стихи из ранее изданных книг и новые произведения. И здесь снова царят гармония и духовность, равнодушие и проникновенность.

За годы творчества издано 16 отдельных книг Игоря Кудрявцева. Кроме уже упомянутых, это: «На стыках земных» (1985), «Мгновенье сладкого ожога» (1992), «Я люблю тебя тысячу лет» (2004), «Четвёртое время» (2012), «Выйду к облаку из дома» (2014) и другие. В них автор ювелирно прикасается к философской и любовной теме, откровенно делится с читателями самыми сокровенными своими переживаниями и радостями, где мастерски раскрывает общественно-политические и исторические темы, где, словно художник, живописует природу и людей. Поэту удаются и короткие стихи, и поэмы. Из-под пера донского лирика вышла и проза для взрослых,

и сборники стихов для детей.

В октябре 2023 года, в день векового юбилея Ростовского регионального отделения СПР, за большой вклад в русскую литературу и в честь 65-летия Союза писателей России поэт Игорь Николаевич Кудрявцев был награждён золотой Пушкинской медалью.

И сегодня, спустя годы, известный, самобытный, любимый читателями донской поэт Игорь Кудрявцев, ещё в детские годы вдохновенно взиравший на ночной небосклон, не редко вспоминает: «Давно и забыто, у родников моей поэтической юности, один убеждённый годами человек спросил меня: «Зачем ты пишешь стихи, когда есть Есенин, Блок, Маяковский?...» Я растерялся: действительно, зачем? Потом неожиданно пришло: но ведь с такой же пушечной прямой можно спросить: «Зачем ты дышишь, любишь, живёшь?» Так что же такое вдохновение для поэта? Видимо, вдохновение — сама жизнь!»

СВЕТ

Улыбнулся ребёнок в Соборе
Не кому-то, а мне... Малыша
Мать несла, будто Образ... В Притворе
Я стоял, уходить не спеша,
Я стоял, с мирозданьем не в споре,
Я стоял, как мечтатель на взморье,
Будто выпил зари из ковша, —
Значит, Небо со мной не в раздоре,
Значит, Птица моя на просторе,
Значит, думает думу Душа.

МОЛИЛАСЬ МАМА ЗА МЕНЯ

Минуя строгий взгляд границы,
У кромки родины и дня
Ещё не знал я, что в станице
Молилась мама за меня.
Когда, фуражку лихо сдвинув,
Я шёл, заветное храня,
По главной улице Берлина,
Молилась мама за меня.
Когда, бессонницы отведав,
Чужой столице — не родня,
Встречал я утро Дня Победы,
Молилась мама за меня.
Пусть ветры мечутся у храма,
Но за отца, войну кляня,
В сороковых молилась мама,
В восьмидесятых — за меня.
Она не скажет, что ей снилось.
Она, по сути мир ценя,
За человечество молилась,
Когда молилась за меня.

1981

ВЕТВЬ

По каким канонам и законам
Управляет жизнью белый свет?
На цветущем дереве зелёном
Вижу усыхающую ветвь.
Как на лике юности морщина —
Неуместна с памятью былой.
Кто её обидчики — вершина
Или корни, скрытые землёй?
Подступает медленно страданье:
Я свидетель, как через века
У природы просит подаянья
Дерева усохшая рука.

Под небом Господня Крова...

ОЧИЩЕНИЕ

День мой невечерний, зачерпни воды,
День мой неразумный, зачерпни огня,
А потом из камня сотвори плоды,
А потом из пепла сотвори меня.

Павел Малов
Ростов-на-Дону

ВСЁ РАВНО ВОЙНА...

Отрывок из романа «Война народная»

В станице Грушевской со дня на день ждали отправки подлежащих мобилизации мужчин в Красную Армию. Указ председателя Президиума Верховного Совета Михаила Калинина о мобилизации уже вышел. Народный комиссар обороны маршал Тимошенко разослал соответствующие предписания в военные округа.

Станичники времени зря не теряли, деятельно готовились к проводам: почти в каждом дворе по ночам тайно гнали самогонку, у кого не было возможности, — закупили в магазине потребсоюз водку. В результате, — «Московская» в магазине вскоре закончилась. Наиболее практичные хозяйки, особенно старые, пережившие Гражданскую войну и разруху казачки смекнули, что война — дело непредсказуемое и, возможно, долгое. Тут же стали сметать с магазинных полок всё необходимое в хозяйстве: сахар, соль, крупу, мыло, свечи, спички, консервы и многое другое. Прослышав об этом, со всех дворов к магазину устремились с мешками и кошёлками в руках бабы и молодые хозяйки. Мгновенно у прилавка выстроилась огромная очередь, начинавшаяся далеко на улице, у переулка. Продавщица Шура Вязова растерялась, шокированная таким небывалым наплывом покупателей, не успевала отпускать товар.

Самые расторопные бабы, оказавшись в первых рядах, гребли всё подряд килограммами, сваливая в мешок общей кучей. В магазине стоял невероятный гул от многих десятков голосов, спёртый воздух затруднял дыхание, в помещении было жарко и душно, как в бане. То и дело слышались крики с улицы волновавшихся очередниц:

— Шурка, в одни руки токмо по килограмму отпускай, шалава!

— Спички — по дюжине коробков на человека!

— Мыло заканчивается, бабоньки! Шурка, мыла по второму кругу не давай, патлы вырву!

— Гляди, гляди, кума, что Нюрка творит: уже в третий раз в очередь встаёт — я видела. Два раза домой по полному чувалу добра отпёрла...

У дверей вспыхнула давка. Бабы, испугавшись, что им не достанется, поднапёрли на толпу тараном. На подмогу подоспели мужики, по случаю нападения Германии уже с утра подпитые. Некоторые, ожидая скорой мобилизации, вообще перестали ходить в колхоз на работу, слонялись бесцельно по станичным улицам. Несколько казаков, с хохотом схватив под мышки толстых, как сапетки, баб, стали проталкивать внутрь магазина. Затрещала сорванная с петель дверь, какая-то женщина взвизгнула, придавленная толпой. Кому-то наступили на ногу.

— Не напирай, черти, людей подавите! — яростно кричали из магазина.

Испуганная продавщица Шурка Вязова объявила, что магазин закрыт и отпустить она никому ничего не будет. Но её не слушали, кидали на прилавок деньги и брали, что под руку попадётся, сами.

— Магазин закрыт, граждане! Всё. Покиньте зараз же помещение, — истерически орала Шурка на станичников и станичниц, но на неё уже никто не обращал внимания.

Под тяжестью напирющей с улицы толпы передние очередники опрокинули прилавок с весами и дружно сыпанули в подсобное помещение. Шурка Вязова попыталась остановить мародёров, схватив увесистый черенок от лопаты, била им без разбору по головам разбушевавшейся толпы, орала:

— Назад, дьяволы! Вы куда? Зараз милицию вызову... Вот вам! Вот!

Разъярённую продавщицу окружило с десяток баб: отняли у неё черенок, схватив за волосы, повалили на пол, стали бить чем попало.

— А-а-а, люди добрые, помогите! Убивают, — орала не своим голосом Шурка.

Прибежавший к магазину одним из последних Егор Громов услышал Шуркин отчаянный крик. Пробился сквозь густую, возбуждённо гудящую толпу к выломанным «с мясом» дверям. Из разгромленного помещения выскакивали радостные мужики и бабы, тащили на горбу тяжёлые, набитые под завязку всякой всячиной мешки и оклунки.

— А ну расступись, мешочники, — расталкивая счастливых несунув, нырнул в магазин Егор Громов.

Продавщицу Шурку оставили в покое, — она лежала избитая, вся в крови, в изорванной, чудом державшейся на оголённых, исцарапанных плечах блузке у стены. Глухо постанывала, не в силах подняться на ноги. Кругом на полу была рассыпана крупа, валялись раздавленные спичечные коробки, смятые в лепёшку восковые свечи, растоптанные куски мыла, распотрошенные пачки табака. Вокруг перевернутого прилавка снежными сугробами белела мука, хрустело под ногами стекло от разбитых бутылок вперемешку с разорванными пачками соли,

пролитым на пол керосином, высыпавшимся из мешка сахаром, подавленным печеньем, конфетами и халвой. Шустрые ребяташки, вмиг сбежавшие со всей Новосёловки, воробьями шныряли под ногами у взрослых, подбирали с пола посеянные кругом сладости.

Всё прибывавшие и прибывавшие в магазин станичники громили уже подсобные помещения, растаскивая продукты и оттуда. Навстречу Егору из подсобки, с набитым казённым добром мешком, выбежал лучший друг Иосиф Шабельский.

— Грома, что припозднился? А у нас тут вишь, коммунизм! Всё даром гребём, без грошей. Эх, брат, погуляем на славу. Всё ж кругом колхозное, всё кругом моё... Держи чувал, отоваривайся по шустрому, не то не достанется, — кинул он Егору пустой мешок.

— Погоди, Осип, Шурке Вязовой поганого, пособить надо, — указал Громов на лежавшую у стены избитую продавщицу.

— Да ты бери мешок, Жорка, покуда из складов всё не растянули, — настаивал Шабельский. — А Шурке без тебя поможут. Я видал, тут наши ребята крутятся... Эй, Мишка, поди скорее сюда, — заметив в толпе сына, позвал Шабельский.

— Чё надо, батя? — вынырнул тот из снующего туда-сюда, суется чело-веческого водоворота. В руке он держал внушительный ломоть медовой коврижки, откусывая большие куски и с наслаждением уплетая.

— Покличь Михаила с Жоркой Громовых, да втроём отведите тётку Шуру до хаты, — велел Иосиф Шабельский. — И сюды больше — ни ногой! Того и гляди, милиция из Новочеркаска нагрянет. Вызвал уже, наверно, кто-нибудь... Или из сельсовета насочуют...

По главной станичной улице, укатанной до каменной твёрдости повозками, автомашинами и тяжёлыми колёсными тракторами «Фордзон», к месту ЧП уже мчался на мотоцикле с коляской председатель Совета Андрей Дубиков, рядом в коляске позёвывал поднятый им с постели, полуодетый Кузьма Лопатин — секретарь станичной партячейки. Трещавший на всю станицу таганрогский АМ-600 по пути распугивал переходивших улицу степенных, неторопливых уток с молодым выводком; почти из-под самых его колёс выскакивали бестолковые, суетливые куры, шустро разбегались в разные стороны жёлтые пушистые комочки цыплят. Сердитые гуси по-змеиному горизонтально вытягивали шеи, угрожающе шипя на несущуюся по улице необычную дымную, воняющую бензином трёхколёсную телегу-калеку. Собаки воровски выскакивали из дворов и с залившимся лаем долго гнались за мотоциклом, норовя ухватить сидевшего за рулём водителя за штанину. Пыль позади мотоцикла поднималась густой чёрной тучей и, клубясь, долго не оседала. Встреч-

ные колхозники и колхозницы, сторонясь, громко чихали. Смущённо заслоняли ногами мешки и плетёные из лозняка кошёлки с награбленным в магазине добром. Из-под руки смотрели вслед, недовольно покачивали головами. Взвалив на плечи ношу, спешили поскорее домой — припрятать подальше добычу.

Завидев ещё издали толпу погромщиков у магазина потребсоюза, председатель Дубиков яростно замахал кулаком, грозя расхитителям, заорал, перекрикивая стрёкот двигателя:

— А вот я вас, сучье племя!.. Разойдись! Бросай на землю оклунки!

Услышав сердитый крик председателя, часть баб с визгом сыпанула от магазина в соседние дворы, остальные припустили направо — по главной улице и налево — в ближний кривой проулок. Награбленное никто не бросил. Несколько забурунных, хмельных парней из отстающих колхозников кинулось было к ближайшему плетню, выворачивать колья, но случившиеся тут же матери, крепкими подзатыльниками быстро их угомонили и, всучив по мешку с продуктами, отправили через чужие сады и огороды по домам.

Мотоцикл Дубикова резко затормозил у магазина, в котором уже никого не было. Председатель бросился в разгромленное, с выбитыми стёклами, помещение, а Кузьма Лопатин с именованным наградным наганом в руке погнался за улётывавшими по улице бабами. Догнал одну — толстую, тяжело пыхтящую, задыхающуюся старуху, резко рванул за узел, который она тащила на спине. Бабка, не удержавшись, опрокинулась наземь. Высоко задрала ноги в старых, латаных тёплых чулках и кожаных, без каблуков, чуваках. Испуганно заголосила, не поняв с дуру, что с ней произошло:

— Ой, светы мои, кто такой? Пусти, окаянный, чтоб тебя на сторону повело... Бабоньки, каравул — граблют!

Лопатин отобрал у старухи узел, зло сунул под нос воронёный ствол нагана.

— Молчи, старая сплетница, не то в холодную на пятнадцать суток посажу. Это ты видела? Я законный представитель Советской власти и не позволю учинять мародёрство. Подымайся и ступай с богом до хаты, а награбленное я конфи-скую.

— Ой, Кузьма Денисович, не признала, звиняйте ради Бога, — враз сменила тон старуха, вставая сначала на четвереньки, а потом уже из этой позы и — на ноги. Робко потянула из рук Лопатина свой узел. — А продукты изымать не имеете прав, я за их гроши платила, все до копеечки, вот те хрест! — Бабка набожно перекрестилась, отобрала у оторопевшего секретаря станичной партячейки узел и проворно заковыляла в переулок, тяжело переваливаясь с боку на бок, как большая толстозадая утка...

одна, я выпускаю её и она убегает сквозь пальцы, как вода. Тогда для меня это были просто пустые речи... Я ведь в то время даже не любил Еву, всё думал, что скоро найду кого-нибудь выше, стройнее, умнее, красивее. А это всё между нами временно, просто чтобы не быть одному. Я смотрел на Еву каждый день, но как будто не замечал. Думал, что могу вести себя, как мне заблагорассудится — она всё вытерпит. Мне понадобилось потерять Еву, чтобы по-настоящему её увидеть, понять, как она мне нужна.

Оставил малолеток позади и прибавил шаг. Сквозь этот холодный плен про-

(Начало. Окончание на стр. 6)

Марина Ганзенко
Ростов-на-Дону

УВИДЕТЬ ЕВУ

Снег медленно падал. Ветер оставил в тот день в покое улицы Питера. Зима

закружила город в своём элегантном танце. Я поправил тёплый молочного цвета шарф. Его подарил мне когда-то Ева. Он давно покрылся катышками — время не жалеет ни людей, ни вещи, — но я носил его каждую зиму. Это был мой отчаянный способ сохранить нашу с Евой связь.

Витрины магазинов украшали разноцветные ленты, подарочные коробки и ёлочные игрушки. Приближался Новый год. День лениво перетекал в вечер, тут и там стали зажигать праздничные гирлянды. Парочка малолеток впереди остановилась под огромной сверкающей серебряной звездой, которую повесили, чтобы привлечь как можно больше посети-

телей в магазин игрушек, и начала целоваться. Я почувствовал лёгкое раздражение. Мне не нравилось, когда кто-то проявлял чувства перед свидетелями. Никогда не целовал Еву при людях. Может быть, зря?

А ещё мне не нравилось без дела бродить по городу, взявшись за руки. В то время у меня была на уме только работа. Я всё ждал, что вот-вот заработаю достаточно денег и начну жить полной жизнью: веселиться, гулять, путешествовать. Но это будет позже. А сейчас мой долг потрудиться, чтобы обеспечить достойное, полное радостных моментов завтра. Однажды Ева сказала, что жизнь только

Марина Ганзенко. Увидеть Еву
(Окончание. Начало на стр. 5)

бирался, преисполненный желанием заплатить очередную кругленькую сумму шарлатану, который называл себя психологом. «Зачем я шёл к психологу?» — спросите вы, ведь очевидно, что я с недоверием отношусь к этим актёрам, которые умело играют интерес к чужим проблемам. Ответ прост: мне было необходимо в очередной раз увидеть лицо Евы!

— Здравствуй! — сказал я на пороге клиники доктора Шмидта.

В его приёмной стояла искусственная ёлка с синими и золотыми стеклянными шарами. Представил, как с размаху сшибаю ёлку рукой, шары слетают с веток и разбиваются со сладостным разрушительным звуком. Это лишь фантазия — я ведь не психопат, а просто обыкновенный зависимый.

Шмидт вышел из кабинета. Его ко-

стюм пах шерстью и дорогим парфюмом. Я ненавидел его тощее умное лицо и сочувствующий взгляд. У нас с ним были отношения, пропитанные сиропом из взаимной выгоды: в обмен на деньги он прокручивал у меня перед глазами снова и снова сцену нашей встречи с Евой. Хвала «Флеш Индастри», вживившей мне в шею флеш-носитель, за такую удивительную возможность пережить те прекрасные эмоции в очередной раз!

Вы спросите: «Неужели недостаточно просто вспомнить что-то? Зачем прибегать к помощи специалиста?» Поверьте, это две разные вещи. Ощущения от воспоминания призрачны, тогда как прокрутка сцены в памяти помогает тебе словно бы вернуться по реке времени назад. Но при этом твои нынешние чувства и эмоции наслаиваются на прошлое восприятие. Это просто непередаваемо. Знал ли я тогда, пять лет назад, что эта дерзкая девчонка с густой чёлкой ста-

нет смыслом моей жизни? Конечно, нет. Я просто наобум подошёл к ней и предложил угостить её мартины. Она ответила: «Лучше купите какао». Тогда мне её желание показалось смехотворным, а сейчас, просматривая эту сцену, не могу представить более милого ответа.

— О, Виктор, я вас ждал! Вы, как всегда, пунктуальны! — воскликнул Шмидт. — Вам понравилась ёлка? — добавил он, проследив за моим взглядом.

Хотел сказать, что презираю все праздники на свете, в особенности семейные, но вместо этого кивнул. Интересно, Ева уже украсила свой дом? Она так любила это делать!

Шмидт пригласил меня в кабинет. Это была небольшая аскетичная комната: только стол, стул, кресло, кушетка, опутанная десятком проводов, и экран. Я одновременно наслаждался моментом и ненавидел себя за то, что опять пришёл в это пристанище идиотов и слабаков.

— Итак, начнём сеанс психотерапии? — предложил доктор.

— Давайте перейдём сразу к делу, — отрезал я. — Мне не нужна пустая болтовня, которую вы называете терапией!

Шмидт указал на кушетку, я последовал его приказу: лёг на спину и закрыл глаза. Сейчас будет немного больно — я к этому был готов. Пара минут — и доктор подключит к моей шее один из проводов и покажет мне её, любимую, родную, нежную, единственную...

— Время — это река, — внезапно сказал доктор Шмидт. — Если ты упустил в жизни кого-то, то не сможешь его догнать. Прекрасные минуты с вашей Евой никогда не вернуться. Вам пора перестать прокручивать их в сознании и просто поговорить со мной.

Но я не слушал Шмидта. Его слова не находили отклика в моём сознании. Ведь сегодня мне предстояло пережить первую встречу с Евой снова...

Александр Белоцицкий

г. Новошахтинск

ИДУ НА ВЫНУЖДЕННУЮ!

«Дракон ты разорви! Треклятый движок!» — Ан дэн Зэх носил на чём свет стоит космическую развалюху, которая собиралась вот-вот заглохнуть. «Чтоб я ещё брал груз во внешние рукава! Да провались эта работа!» — орал он самому себе, с остервенением стуча по клавишам пульта управления.

Раскошегаренный на всю катушку древний реактор (Зэх любил летать быстро) полчаса назад вдруг стал захлёбываться на полном ходу. Автоматика выбросила машину из гиперпространства прямо в центре планетной системы, не обозначенной ни на каких картах.

β-стержни в двигателе требовали срочной замены. Проблемы это не составляло — запасные лежали в грузовом отсеке. И всё бы ничего, да вот незадача — для этого надо было сесть на какую-нибудь, хоть самую худалую планетку. А треклятая развалюха летела всё медленнее, явно намереваясь застыть в пространстве замёрзшим памятником высокоразвитой самурской цивилизации и её конкретному лихому представителю.

Зэх такой вариант никак не устраивал. «Чтоб ты в чёрную дыру засосало!» — пожелал он старому звездолёту, снова толкнув вперёд ручку тяги. Реактор наконец ожил, машина дёрнулась и стала быстро догонять бегущую по орбите третью планету системы. «Иду на вынужденную!» — понеслось в эфир безо всякой надежды на отклик.

Планета была красива — зелёно-голубая, с обширными океанами, местами застенчиво прикрывая белыми полупрозрачными облаками. «Ширтах ты подери! — воскликнул Зэх, заметив спутники на орбите и города на поверхности. — Только дикарей мне не хватало!»

В этот момент движок древней развалюхи заурчал словно кутс, хлебнувший велоряки, потом заверещал будто снурик, которому наступили на лапу, а затем окон-

чательно замолчал. Зэх, костеря свою колымагу, планету и невезуху, выпустил крылья, нырнул в стратосферу и начал планировать, направляя звездолёт к ближайшему матеруку.

Аборигены тут просто кишмя кишели. На локаторе мелькали мегаполисы, малые города и селения вперемешку. А между ними дороги, дороги... И повсюду доисторические автомобили, самолёты, вертолёты... Яблоку негде упасть, не то что незаметно сесть на ремонт звездолёту. Зэх начала не на шутку разбирать злость на эту отсталую планету и её обитателей с их ископаемой техникой.

Машина стремительно теряла высоту в молочном киселе сплошной облачности. Локатор показывал, что впереди, по берегам широкой реки, раскинулся мегаполис. Попасть туда Зэху совсем не улыбалось. Разразясь проклятиями, он отдал штурвал от себя, твёрдо решив оставить здесь напоследок перед отлётом в качестве хорошего фейерверка кобальтовую бомбу с таймером (у него в бардачке как раз лежала небольшая, мегатонн на сто).

Машина быстро пошла вниз, вынырнув из набитых снегом облаков прямо над небольшим городком. Маневрировать Зэх уже не мог, надо было садиться. С трудом протянув за городские окраины, звездолёт зарылся в пушистый снег глубокой балки речного русла.

* * *

Юра Ласковой в очередной раз поссорился со своей Ниночкой. А потому встречал Новый год на даче, которую именовал по-сибирски «заимкой». О происшедших там событиях он потом рассказывал друзьям так:

«Принял я только двести грамм качественного алкоголя, ну вы чачу мою знаете. Встал из-за стола в печку дров подложить, а тут в балке свист, грохот. Стёкла чуть не повывлетали. Я подумал — самолёт упал. Бегом на ступеньки — точно, лежит в снегу. Похоже на самолёт, только не самолёт, с короткими такими крыльями. Я сразу понял — инопланетяне. Стою, смотрю — мало ли что, упал корабль, может сбили его, вдруг взорвётся или загорится. Выскакивает тут из кабины парень, высокий, худой. Открывает какую-то дверцу, вытаскивает оттуда три длинных трубки и к двигателю. Я понял, что корабль у него поломался. Ботинки, куртку на себя и к нему. Помочь же надо брату по разуму. Подошёл — парень как парень, лет тридцати с виду, белобрысый такой, в красно-чёрном комбинезоне. Трубки обгорелые снял, а новые на их место никак не вот-

кнёт. Я фонарём осветил, придержал какие-то рычажки подпружиненные — этот инопланетянин свои трубки и вставил. Без меня он вообще ни за что бы не справился. Руку мне пожимает, спасибо, друг, говорит чисто по-русски. Ну я его пригласил в дом. Налил сто грамм, потом ещё по соточке. Разговорились. Зэхом его зовут. Вёз он какой-то важный груз из центра Галактики на окраину, а в Солнечной системе звездолёт у него забарахлил. Я ему про Новый год и Ниночку объяснил, он сказал, что не женат. В двенадцать под куртанты мы хорошо так приняли, потом вышли на ступеньки из бластера пострелять. Я к тому времени в зюю был, но прицел у меня только точнее стал — в то же дерево попал, что инопланетянин. После смотрел, дырки рядом. На другом берегу я что-то поджёт, то уже плохо помню, но тогда весело было! Ну а потом Зэх заторопился — контракт у него, время. Я ему говорю — ты же пол-литра качественного алкоголя принял, как полетишь?! Оставайся до утра. Он только махнул рукой — компьютер, мол, автопилот, до галактической полиции далеко. В общем выпили мы с ним на дорожку, и рванул инопланетянин прямо вверх, займку аж снегом засыпало».

Друзья Юре не особо-то поверили, хотя виду не подали. Правда, немного сбивали с толку три двухметровые закоптелые почти невесомые трубки неизвестного металла. Но приёмщик металлелома рассудил по-своему и принял трубки просто как дюраль.

* * *

10 января по земному календарю Ан дэн Зэх, потягивая «Слюну дракона», сидел со своим приятелем, торговцем космопиянками Суинг Джином в орбитальном кабаке. Глядя сквозь светофильтры на косматый, поlyingающий в полнеба красный гигант, именуемый землянами Альдебараном, он говорил: «А ничего так планетка оказалась. И аборигены нормальные. Передумал я, короче, бомбу там оставлять».

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО
ФОНДА
РОССИИ
«ПИСАТЕЛЬ»
ДОНСКОЙ
РОСТОВ-НА-ДОНУ

Газета писателей Ростовской области

Гл. редактор Людмила Хлыстова
Редакторы В. Морж, О. Губарева, К. Павленко,
В. Зименко
Вёрстка И. Сиренко
Фото из архива ДП. Использован ресурс Интернет.

Номер подписан в печать 18.12.2024 г. Тираж 990 экз.

Адрес редакции: 344019, Ростов-на-Дону, пр. Шолохова, 1
т. 8-918-599-67-51; 8-989-535-21-19;
donpisatel@yandex.ru; lyudmila-hlystova@mail.ru

Общественная редакционная коллегия:

А. Береговой, В. Воронов, А. Глазунов, В. Зименко,
Л. Малюкова, К. Павленко, В. Селин.,
Г. Студеникина, Д. Ханин,
Л. Хлыстова — члены СП России

Номера газеты «Донской писатель», журнала «ДОН_новый» и Донского литературного альманаха можно прочитать на сайтах: www.donpisatel.ru

За достоверность предоставляемой информации несёт ответственность автор.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с некоторыми утверждениями в публикациях.

Рукописи принимаются только при использовании буквы «Ё», в прозе — длинных тире, в поэзии — коротких, кавычки должны быть такого образца («»).

Газета издаётся при поддержке Министерства культуры Ростовской области.